

различными, а это порождает различные литературные формы, различные автобиографические жанры. Сказать о Житии протопопа Аввакума, что мы имеем дело с автобиографией, еще не значит дать определение жанра; это лишь служит указанием на материал, положенный в основу произведения. Автобиографичны и «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника, и послания Ивана Грозного, и Житие Епифания, особенно много автобиографических произведений появляется в новой русской литературе — от «Записок одного молодого человека» Герцена до трилогии А. М. Горького. Но как различны жанры всех этих автобиографий! Здесь и эпически уравновешенное поучение, и полный страстного лиризма памфлет, и непринужденный эпистолярный вид, и психологическое житие, а позже мемуары, очерки, рассказы, повести, романы. . .

Итак, мы должны признать, что жанровая природа автобиографического Жития протопопа Аввакума, в сущности, не определена, а взгляд на Житие как на автобиографию вообще приводил на практике к отсутствию анализа Жития как художественного произведения с особой, присущей ему жанровой природой. До сих пор Житие в основном интересовало исследователей как историко-биографический документ, как источник характеристики деятельности и мировоззрения Аввакума, как материал для характеристики раскола в русской церкви. В том же случае, когда исследователи изучали Житие как литературный памятник (В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев и др.), то они ограничивали свой анализ рассмотрением особенностей манеры повествования, языка и стиля. Сам Аввакум интересовал исследователей как живая, реально существовавшая личность, как «культурно-исторический тип» (Н. К. Гудзий) или как писатель. Не отрицая закономерность такого подхода к изучению Жития, мы считаем в то же время, что все это оказывается недостаточным для определения историко-литературного значения Жития. Нам представляется, что при изучении Жития в истории литературы Аввакум должен быть рассмотрен прежде всего как образ, как тип. Равно и другие персонажи Жития в историко-литературном плане должны нас интересовать не столько как реально существовавшие личности, сколько как характеры, составляющие вместе с Аввакумом-героем систему образов Жития не как автобиографии, а как произведения определенного литературного жанра. Такой подход к Житию позволит установить объективный смысл, объективную идею его как художественного произведения, поможет понять, почему, несмотря на чуждые нам идейные побуждения автора, этот памятник вышел далеко за пределы той среды, для которой он предназначался, и почему он продолжает интересовать и волновать читателей нашего времени.

Таким образом, проблема жанра является отнюдь не праздным или формальным вопросом. Правильное определение жанра Жития поможет точнее определить место памятника в истории литературы, поставить его в ряд близких ему общественно-литературных фактов.

Жанр как более или менее устойчивая литературная форма, как более или менее часто повторяющаяся совокупность характерных средств художественной типизации возникает и развивается в процессе взаимодействия конкретно-исторического жизненного материала, подлежащего отбору и обобщению, и идейного замысла автора, его мировоззрения и особенностей его таланта. Проблема жанра — это один из аспектов проблемы конкретного выражения единства содержания и формы в искусстве.

Художественное значение Жития протопопа Аввакума заключается прежде всего в том, что оно правдиво, с огромной впечатляющей силой